

У входа в магазин семьи Цзинь одна молоденькая барышня, не сумевшая достать ни коробочки зубного порошка, расплакалась прямо на месте.

Сквозь слёзы она ругала своего слугу:

— Уже три дня прошло, а ты даже «Циньсинь» не смог добыть! А вон тот мальчишка только что вытащил для своего господина целых две коробки, одна из них — «Цзюньцзы»! И ради этих двух коробок он ботинок потерял... А ты?! Я и «Циньсинь»-то в глаза не видела!

Слуга с унылым видом начал оправдываться:

— Да я ведь «Цзюньцзы» уже почти вырвал... Только вот, как назло, слуга из семьи Фэн — та, что считается вашим врагом — увидел, что я успел схватить коробку, так сразу вцепился в меня. Ну, я, конечно, не отдал — начали драться. А пока мы дрались, кто-то, не иначе как без совести, воспользовался моментом и умыкнул мою «Цзюньцзы».

Барышня вскинула голову — и, правда, на лице слуги красовались ссадины, одежда порвана. С яростным прищуром, сверкая своими продолговатыми, похожими на птичьи, глазами, она обернулась — и взглянула точно на ту, кого ненавидела.

Прямо напротив стояла та самая мисс Фэн, её заклятая соперница. Та, в свою очередь, уже слышала от своего слуги, что зубное благовоние не досталось ей только из-за перепалки с этой самой барышней. Обе кипели от злости. Встретились взглядами — и между ними проскочили искры.

— Ну и ну, — насмешливо вскинула подбородок мисс Чжоу. — Что госпожа, что слуга — оба хороши. Лишь бы чужое урвать — ни стыда, ни совести!

Мисс Фэн, вспыхнув как спичка, с гневом бросилась вперёд:

— Ты это кому сказала — без стыда?! Да это ты-то без стыда! У тебя самой таких поступков без счёту! Не мешало бы тебе сначала плюнуть на землю и на себя полюбоваться в отражение, прежде чем к людям цепляться! И ещё смеешь виться вокруг третьего молодого господина Мэна? С твоей-то рожей, думаешь, ты достойна?!

— Я не достойна? Да ты — и подавно! — не осталась в долгу мисс Чжоу. — Третий молодой господин Мэн тебя и видеть не желает! Узнает, что ты где-то будешь — сразу отказывается идти!

Кто бы мог подумать, что обычная потасовка за зубное благовоние вдруг обернётся открытым выяснением — кто из них имеет больше прав на одного и того же юного господина. Те, кто уже было с разочарованием собирался расходиться, тут же остановились — стало гораздо интереснее. Всё-таки, когда два юных господина дерутся из-за девушки — это одно, а вот когда

две девушки лезут в драку из-за одного юноши — тут уже смотреть куда веселее.

Слово за слово — и две девушки совсем забыли, что вокруг толпа. Начали с ругани, а потом и вовсе пошли в рукопашную.

Партия зубного благовония на сегодня уже была распродана, и народ вокруг магазина начал быстро расходиться. Внутри управляющий командовал слугами — убрали беспорядок после толпы. Но как только услышал снаружи шум и крики, сразу выбежал на улицу — и остолбенел: перед его магазином две благородные барышни устроили драку!

Он тут же бросился разнимать их, перепуганный до дрожи. Только подумать — из-за того, что не досталось их зубное благовоние, у его магазина ещё и морды бьют! Это же позор!

Но вмешиваться было непросто — обе были дочерьми из приличных семей, и ему, взрослому мужчине, было и неловко, и опасно лезть в драку. Так он и стоял, растерянно хватаясь то за одну, то за другую, не зная, как разнять, чтоб и не схлопотать, и лица не потерять.

— Ты, бесстыдница, только и знаешь, как вешаться на третьего молодого господина Мэна! — выкрикнула мисс Чжоу.

ПАХ! — пощёчина от мисс Чжоу метнулась к противнице, но та ловко увернулась, и удар угодил... в ни в чём не повинного управляющего магазином.

Но мисс Фэн, будто пощёчина прилетела именно ей, взвыла, словно ужаленная:

— Ты посмела ударить меня?! — и тут же вlepила ответную пощёчину... снова бедному управляющему.

Невинно пострадавший управляющий: «...»

Он с огромным трудом выбрался из поля боя — и то весь изодранный, как после побоища. Щёки распухли, будто у свиньи, на шее и лице багровели кровавые царапины, а на одежде зияла широкая прореха, из которой торчал белый ватный наполнитель. Руки его были заняты, и деться было некуда, прикрыться нечем — в итоге он решил не дёргаться и просто отправился в поисках спасения к своему хозяину.

А в это время Цзинь Цзиньчэн вальяжно возлежал на мягкой кушетке, закинув ногу на ногу. Вокруг порхали служанки: одна массировала ему руки, другая ловко чистила орешки.

И вот перед этим идиллическим зрелищем предстал измождённый, почти плачущий управляющий.

— Второй молодой господин, я больше не могу! Прошу, съездите ещё раз в деревню Синьхуа! Это ваше «ограничение по продаже» — оно чуть не стоило мне жизни! Те юные господа и барышни... они едва не сожрали меня! А если они узнают, что у меня на руках осталось зубного благовония всего на два дня — я вам клянусь, живым вы меня уже не увидите!

При одной только мысли о том, как мисс Фэн и мисс Чжоу превратились в яростных фурий, управляющий вздрогнул всем телом. Эти девицы, которых раньше он считал скромными и воспитанными, в одно мгновение стали сущими ведьмами — словно разом свихнулись.

— Хех... — холодно фыркнул Цзинь Цзиньчэн. При управляющем, что наблюдал за его ростом с малых лет, он без стеснения сбросил с себя личину вежливого, благонаправленного юноши. Капризность, изнеженность — всё вылезло наружу, как оно и есть. С досадой он заговорил:

— Ты хоть представляешь, какие муки твой господин пережил у семьи Сюн? Их хибара холодная, как змеиное логово, я чуть в сосульку не превратился! А эти двое из семьи Сюн — совсем без манер: чуть что — начинают пугать, то с серьёзной миной, то как черти! Клянусь, даже мой старший брат, что с детства с отцом по всей стране делами занимался, не пережил и половины тех “приключений”, что выпали мне за эти дни в их доме!

«Да никто в доме Сюн никого не пугал... это ты сам себе в голове страшилки напридумывал...» — подумал было управляющий, но говорить такое вслух не рискнул. Лицо у него стало ещё мрачнее, и он только проямлил:

— Раз уж так, то, может, завтра вы, господин, сами объявите этим юным господам и барышням, что товара больше нет?

Цзинь Цзиньчэн от неожиданности выронил орешек, глядя на измученное лицо управляющего с ужасом:

— Ты хочешь, чтобы меня порвали на куски?!

Раз вы сами знаете, что будет, так чего медлите — езжайте в Синьхуа!

— Всё-всё, успокойся, — отмахнулся Цзинь Цзиньчэн, возвращаясь в ленивую позу. — Не смотри на меня так. Я жив-здоров, всё хорошо. С этим я сам разберусь, устрой.

Управляющий, наконец, услышал твёрдое обещание и с облегчением вышел.

— Господин, — тихо предложил один из слуг, — раз вы сами не хотите ехать, позвольте нам съездить в деревню Синьхуа. Всё-таки контракт уже подписан — давайте следовать условиям.

— С вашим-то умишком... — фыркнул Цзинь Цзиньчэн, сверля телохранителей взглядом. — Да вас тот лисий фулан из семьи Сюн за милую душу продаст, а вы ещё и деньги с радостью

поможете считать!

Он вспомнил, как в прошлый раз, когда ему почудилось, будто они столкнулись с привидением, все хоть и перепугались, но хотя бы кто-то сумел вскочить на лошадь и ускакать. Один вот только тот, что сейчас стоит перед ним, — грохнулся в обморок прямо на месте. Потом, когда они возвращались, лицо у него было будто ему от души надавали пощечин. После такого Цзинь Цзиньчэну даже неудобно было заикаться о компенсации перед семьёй Сюн.

— Кирпичи готовы? — резко сменил он тему.

— Уже давно. По вашему приказу добавили ещё одну телегу рассыпного грунта.

Цзинь Цзиньчэн кивнул:

— Пусть выдвигаются немедленно. А мы двинемся позже верхом — нагонять проще.

— Есть.

Раньше в деревне многие стороной обходили Сюн Чжуаншаня — человек он был нелюдимый, вспыльчивый, если разозлишь, мог и ударить. Но со временем, по мере того как его семейный бизнес рос, дела шли в гору, да и в обращении с людьми он был честен: платил вовремя, не скупился, ни в чём не придирался, не урезал оплату, как это делали многие. Молва о нём пошла хорошая, и теперь желающих работать у семьи Сюн становилось всё больше.

— Чжэн-далан, Чжэн-эрлан, вы тоже тут, — с доброй улыбкой обратилась к ним Ли-да-няньцзы, жена Цай Сюэ. В деревне людей одного поколения называли по порядку рождения, не разбрасываясь словами вроде «брат» или «сестра», как это стало принято позже. А обращения вроде далан, эрлан были уже почти что уважительные, их применяли редко — разве что к чужим, или при особом почтении.

На этот раз Ли-да-няньцзы пришла сдавать готовую работу не одна — привела с собой трёх незнакомых лиц. Она представила их:

— Господин Сюн, это мои незамужние сестры и невестка по материнской линии. Шитьё у всех отменное, и они тоже хотели бы поработать у вас.

Братья Чжэн уже давно крутились у дома семьи Сюн, толком так ничего и не сказав. Но стоило им увидеть, как другие заявляются с желанием взять работу, сразу же всполошились: вдруг дело ограниченное, всё расхватывают — а им ничего не останется? Тут уж не до расспросов.

— Сюн-эрлан, Сюн-фулан, — заговорили они наперебой, — мы с братом пришли как раз по поводу работы. Мы ведь первыми пришли, это ж как-никак должно иметь значение! Нельзя, чтоб нас обошли!

В сердце Тан Шоу братья Чжэн давно занимали особое место: всё же они когда-то помогли Сюн Чжуаншаню. Но сами они никогда не считали то дело чем-то значительным — мол, пустяк, руку подать. Даже представить не могли, что в семье Сюн это запомнили, а тем более, что за это могут отплатить добром.

А всё потому, что в тот день, когда Сюн Чжуаншань голыми руками прикончил тигра, они всё видели своими глазами — и с тех пор страх засел в них надолго. Тогда они были так потрясены, что ещё несколько ночей кряду им снились кошмары. И потому, когда многие из деревни начали приходить в дом Сюн за пирогами или работой, они даже не думали примкнуть — слишком сильно был запечатлён тот страх.

Лишь на днях, когда Сюн Чжуаншань лично привёл в их дом купцов из столицы на постой, вся их семья впервые осмелилась поверить: он и правда помнит ту старую помощь. Только после этого они решились подойти и заговорить о работе.

Чжэн-далан сказал:

— Сюн-фулан, ведь вы знаете, что бабушка Чжан отбивает подошвы у нас. Мы берём с неё всего один вэнь за два дня — да ведь этого и на хворост не хватает. Если так и дальше пойдёт, мы и сами не сможем ей помогать — в деревне ведь у всех туго. Вот мы и подумали: может, и нам дадите подошвы? Как раз у себя дома и сделаем, и заодно сможем дальше принимать у себя бабушку Чжан — топливо-то уже хоть как-то окупится.

Ли-да-няньцзы ещё и рта не успела раскрыть, как за неё вперёд выступила вторая сноха — Ли-эр-сао:

— Ничего страшного, ничего! — заявила она с притворной веселостью. — Мы-то хотим делать подкладку, с вашей работой не пересекается — как раз в комплекте будет!

Незамужняя младшая сестра — Ли-сы-няньцзы — стояла у неё за спиной, и слова снохи ей явно были неприятны: слишком уж та фамильярничала, вела себя навязчиво. Ли-сы-няньцзы потянула её за рукав, пытаясь вежливо намекнуть, чтобы та не перебирала с самоуверенностью.

Но Ли-эр-сао и внимания не обратила. Ее муж — старший сын в семье Ли, родительский любимчик, и она с этой позиции привыкла командовать всеми — и среди снох, и среди сестёр, никого не стесняясь. Ли-сы-няньцзы уважения от неё никогда не видела.

— Вот глянь на себя — вся скрючилась, как мышь! — процедила она сквозь зубы, раздражённо стяхнув её руку. — Тут, между прочим, разговор про работу, а ты молчишь! Если сейчас не

вставим слово — без дела останемся!

Говорила она совсем не шёпотом — в комнате все отлично услышали каждое слово.

Глаза Сюн Чжуаншаня мгновенно сузились, взгляд стал ледяным. Он смерил Ли-эр-сао таким тяжёлым взглядом, что тот мог бы поспорить с самим адом — настоящий Асура, восставший из преисподней. Ли-эр-сао вздрогнула всем телом и невольно отступила на шаг. Если бы не стоявшая за ней Ли-да-няньцзы, на которую она налетела спиной, так бы, пожалуй, и повалилась. Вцепившись в неё как в спасательный круг, она тут же спряталась за её спину, исподтишка выглядывая, но больше не осмелилась проронить ни слова.

Ли-да-няньцзы с неловкой улыбкой проговорила:

— Сноха у меня резковата, зато с руками у неё всё в порядке. Сюн-фулан, позвольте ей попробовать.

Семейство Ли само по себе жило небогато. Ещё раньше Ли-эр-сао с завистью смотрела, как семья Сюн торгует пирогами, её родня тогда тоже хотела попробовать, но побоялась вложиться и прогореть. А теперь, услышав, что в доме Сюн набирают работников на пошив обуви — да ещё и без стартовых вложений, — родные сразу же отозвали Ли-да-няньцзы домой и велели ввести в дело и сестру, и сноху.

В деревне таких, как Ли-эр-сао, хватало, и Тан Шоу насмотрелся на них вдоволь. Но никто из них ещё не осмеливался устраивать истерики или лезть в беспредел — слишком уж хорошо помнили, кто такой Сюн Чжуаншань и что его слава — это не пустой звук.

Тан Шоу не стал придавать случившемуся значения. К тому же ради Ли-да-няньцзы и Цай Сюэ, которые действительно были хорошими и честными работниками — ни разу не ловились на халтуре или воровстве, — он был готов немного закрыть глаза.

— У нас вся работа сдельная, — спокойно сказал он. — Не боимся, если народу много. Сколько сделаете — столько и получите.

Братья Чжэн обрадовались:

— Как потопаешь — так и полопаешь, не сделал — и не получишь. Всё правильно!

Как раз в доме только что закончили партию новых заготовок, и Тан Шоу достал их, показал братьям Чжэн:

— Сначала дам вам тридцать пар, подойдут?

— Подойдут, подойдут! — зачастил Чжэн-эр-лан, радостно кивая. Он и представить не мог, что в доме Сюн всё будет так просто — это шло вразрез со всеми его прежними представлениями.

Тан Шоу повернулся к Ли-да-няньцзы:

— А все твои родственницы будут шить подкладку?

— Да, — кивнула она.

— Тогда хорошо. Каждой дам пока по одной паре на подкладку. Если работа будет годной — в следующий раз сможете взять больше.

— Спасибо, Сюн-фулан, — поблагодарила Ли-да-няньцзы.

— Но, — добавил Тан Шоу, — твои родственницы, раз уж берут материалы, не могут вносить тот же залог, что и вы. Для деревенских я ещё делаю поблажку, но если брать подошвы — с каждой пары залог двадцать вэней.

— Двадцать?! Так много?! — не удержалась и выпалила Ли-эр-сао, прячась за спиной Ли-да-няньцзы.

Сюн Чжуаншань бросил на неё ещё один холодный взгляд — она тут же втянулась за покровительницу, будто хотела спрятать свою крепкую фигуру за её худенькой спиной.

— Материалы у нас все отборные, — спокойно пояснил Тан Шоу. — Если бы вы пошли покупать их на рынке, дешевле бы не вышло.

Ли-эр-сао, побледнев, молчала, не смея перечить. Ли-да-няньцзы поспешила за неё извиниться с натянутой улыбкой:

— Я понимаю, всё ясно.

В этот момент на улице поднялся шум, стали слышны крики, топот копыт, удары хлыстов. Кто-то звал по имени Сюн Чжуаншаня.

— Муж! — с радостью воскликнул Тан Шоу. — Похоже, из столицы привезли сырцовые кирпичи! Пойдём скорее, посмотрим!

Он было бросился к двери, но Сюн Чжуаншань тут же остановил его, крепко удержав за руку:

— Подожди. Сейчас принесу тебе меховой жилет из волчьей шкуры — не хватало ещё

простудиться.

Безрукавка из волчьего меха — вещь редкая и дорогая. Все в комнате невольно уставились на неё, не сводя глаз, но подойти и разглядывать ближе никто не решился.

Тан Шоу буквально выскочил из дома, почти вприпрыжку спеша к воротам. Только тогда Ли-эр-соу осмелилась снова высунуть голову из-за спины Ли-да-няньцзы. Цокая языком, она с завистливой издёвкой прошипела:

— Вот же мясник - на лицо людоед, а как супруга балует — даже волчью безрукавку ему дал. Дорогущая ведь вещь, не меньше двух-трёх десятков лян стоит, поди.

Ли-да-няньцзы с отвращением посмотрела на Ли-эр-сао — глаза у той так и сверкали алчностью и завистью. Она терпеть не могла эту невестку, но что поделать — семья есть семья. Мать постоянно давила, заставляла помогать брату и его жене, и она никак не могла отказаться.

— Возвращайся домой и не болтай лишнего, — холодно сказала она. — Сюн-эрлан хоть и с виду суров, но человек он хороший. У нас в деревне живёт бабушка Чжан, у неё со зрением беда — иголки в руках не держит. Так Сюны дали ей трамбовать подошвы, чтобы она могла зарабатывать. А совсем недавно Сюн-эрлан даже смастерил ей специальный маленький молоточек — потому что бабушка не в силах поднять тяжёлый. Вот тебе и "людоед". Так что не вздумай распускать про него сплетни — он, между прочим, по-настоящему добрый человек.

Ли-эр-сао замахала руками, будто отмахиваясь:

— Да не скажу я ничего, чего ты сразу...

У ворот дома семьи Сюн остановились пять телег из столицы. И везли они вовсе не сокровища — напротив, казалось, в этих повозках был просто мусор, глина с землёй — сырцовые кирпичи, которые в иных местах и даром бы не взяли, лишь бы с глаз долой.

Но Тан Шоу, выйдя встречать караван, светился от счастья так, будто к нему доставили личный подарок от самого императора. Зеваки, сбегавшиеся со всей деревни посмотреть, только качали головами и перешёптывались:

— У этого Сюн-фулана точно с головой что-то... так глине радуется, как будто сокровища получил.

— Этот Сюн-эрлан, ну хоть бы совесть имел — приглядел бы за своим фуланом! — шептались у ворот деревенские. — Ну заработал немного, и что теперь — так деньги швырять? Из всего, что

можно было купить в столице, он притащил целых несколько телег... глиняных кирпичей! Ну разве не безумие?

— Вот именно! — поддакивал другой. — В столице столько диковинок, столько хорошего товара! А он — вон, глину себе заказал! Неужели думает, что та глина из столицы теплее, чем наша, из деревни Синьхуа? Чушь!

— Дом строить, что ли, надумал? Да в такую стужу и лопату в землю не воткнёшь!

— Да какое там строительство! — фыркнул третий. — Он что, как ребёнок, решил в грязи повозиться?

— Кто ж его знает! — усмехнулся четвёртый. — Я тебе скажу, всё потому что мясник этот — Сюн — распустил своего фулана! Ну разве можно пускать шуаньэра в такие дела? Ни женщины, ни тем более шуаньэры в хозяйстве толком ничего не понимают — только деньги тратить умеют!

— Точно подмечено! — загоготали в ответ. — Смотри, сколько повозок, сколько денег он спустил! Да уж лучше бы весной подождал, когда земля оттаяет — хоть сам бы накопал, сколько хочет, я бы ему целую гору навалил!

Эти злословящие — были как на подбор деревенские лодыри, те, кому лень было шевелиться даже ради куска хлеба. Кто был хоть немного порабатоспособнее, в это время уже давно таскал по окрестностям подносы с пирогами, зарабатывая себе неплохие деньги. Только эти трое-четверо шлялись без дела и собирались поглазеть, лишь бы кого обсудить. Селяне, кто был постарше или просто приличнее, презрительно морщили нос и отходили подальше, чтобы не дышать одним воздухом с этими праздношатающимися — и слушать их пустую болтовню считали ниже своего достоинства.

Какие бы пересуды ни шли за спиной, о чём бы там ни шептались деревенские — Тан Шоу ни сном ни духом. Он сейчас смотрел на эти сырцовые кирпичи с большей радостью, чем смотрел бы на своего родного отца. Глаза его в прямом смысле сверкали, точно из них сыпались зеленые искры.